

Михай Ловский

ГОРБУН ИЗ ТИШИМА

Нереальная история в трех частях, с прологом и эпилогом.

Посвящается памяти Л. Фролова

Пролог

*«За горами, за лесами,
За широкими морями,
В глубине сибирских руд
Жил горбун в селе Запруд.
У горбатого три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак».¹*

Так начинается сказ, прославивший город Тишим². Основанный в 1723 году генералом Вильгельмом де Мидовым, сей городок раскинулся на берегу реки Тишим, по соседству с Транссибирской магистралью. До постройки железной дороги Тишим был уездным центром торговли сельскохозяйственной продукцией и самогоном. В наши дни, согласно Большой Сибирской Энциклопедии (1972), «в городе налажено производство сельскохозяйственного оборудования наряду с традиционными промыслами по изготовлению ковров, сапог и валенок; кроме того, там имеется молочный завод, мясоперерабатывающее производство, кондитерская фабрика, ликероводочный завод и пивоварня».

Немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумберт, будучи в 1829 году проездом в Тишине по пути в Тобольск, купил пару валенок местного производства, которые, как было записано в его путевом дневнике, «крайне быстро раскисли и буквально развалились от всепроникающей сырости и непролазной грязи». Впрочем, знаменитый натуралист высоко оценил традиционное местное блюдо — жареный в сметане карась-горбун (*Carassius gibbosus*), которым немца угощали в доме градоначальника, после того, как местная полиция едва не арестовала его, заподозрив в развращении девчонки-молочницы.

К слову сказать, вышеупомянутая рыбина до сих пор фигурирует на гербе города. В 1918 году большевики даже хотели переименовать Тишим в Краснокарасевск, но армия

¹ Жорж Карассиус, «Горбун из Тишима». Издательский Дом Ершова-Водкина, Омск, 1897. Далее цитаты из того же издания.

² Исследователи разделяются во мнении относительно происхождения названия города. Одни полагают, что оно происходит от слова «тишь». Другие считают, что это фраза из древнетатарского языка, означающая «Он пришел». Согласно их мнению, именно эти слова услышал Вильгельм де Мидов от племенных вождей, вышедших встречать его отряд на берегу маленькой сибирской реки.

Адмирала Колчака не позволила этим планам осуществиться, неожиданно напав на город и повыврезав «красноголовых» — на радость местным рыбакам, которые долгое время вылавливали из реки и окрестных озер жирнющих карасей, отъевшихся на дармовом прикорме из различных частей тел незадачливых реформаторов.

Неудивительно, что половина тишимского населения, которое, согласно Энциклопедии, составляло в 1972 году 57 000 человек, носит фамилию Карасев. Самый известный из них — Жорж Карассиус, урожденный Георгий Константинович Карасев (1799-1877), автор поэмы «Горбун из Тишима» о приключениях простодушного деревенского парня в поисках легендарного Золотого Карпа — произведения, обессмертившего наш город.

Злопыхатели из числа критиков, населяющих литературные столицы России, склонны, из зависти к неожиданной славе скромного сибирского городка, распространять клеветнические домыслы о том, что на самом деле знаменитый поэт родился в нескольких десятках верст от Тишима, в богом забытой деревеньке Запруд, покинутой изголодавшимися обитателями вскоре после Великой революции. Другие измышления касаются личной жизни автора «Горбуна». Как известно, из-за своего физического недостатка Жорж Карассиус редко появлялся на людях, что, впрочем, не помешало ему уже в зрелом возрасте жениться на местной красавице пятнадцатилетней Параше Рыбаковой. Это дает некоторым «критикам» основание утверждать, что большая часть поэмы была написана другим известным русским поэтом, который останавливался в доме Жоржа Карассиуса по пути на Сахалин и был очарован красотой его юной жены, весьма благосклонно принявшей ухаживания столичного ловеласа.

Я знаю, что не в праве высказывать суждения о столь деликатных обстоятельствах. Да мне и в голову не придет посягать на заслуженную славу нашего города. Наоборот. Впрочем, со своей стороны, я могу лишь скромно свидетельствовать об исключительном качестве пива и водки, производимых в Тишине в те далекие годы, а также о том, что события, изложенные ниже, действительно имели место.

Часть 1

*«В долгом времени аль вскоре
Из-за Северного моря
Стал к ним кто-то приплывать,
В речке рыбу пожирать.
Мужики такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора им поймать;
Наконец они смекнули,
Чтоб стоять на карауле —
Между ивами прилечь,
Да злодея подстеречь».*

Однажды осенним вечером 1975 года, мы — Алекс, Леха и я — сидели, попивая портвейн «Три семерки», в квартире Алекса на улице Тишимских коммунаров. Из нас троих Леха определенно был самым умным — первый ученик в 10 «А». Я был, конечно, тоже не дурак, но мне больше нравилось читать книжки и учить английский, чем корпеть над учебниками по химии или математике. Алекс был на два года старше и, понятное дело, обладал бóльшим жизненным опытом, успев целый год проучиться в одном из московских вузов. Кроме того, его «предки» были не последними людьми в «Тишимторге». Для нас это, прежде всего, означало доступ к книгам, которые продолжали оставаться дефицитом в «самой читающей стране в мире». Ну, и джинсы, само собой. Но все же Пруст и Джойс, которых мало-помалу начинали издавать, были для нас превыше всего.

В тот вечер мы, как всегда, слушали «Голос Америки». Прием, на удивление, был хороший, несмотря на все попытки властей глушить враждебные радиостанции, единственной целью которых, разумеется, было развращение наших юных умов. И когда диктор назвал имя Набокова, мы все разом прильнули к приемнику: «Знаменитый американский писатель Владимир Набоков, автор нашумевшего романа «Лолита», в интервью нашему женеvскому корреспонденту сказал, что в скором времени собирается посетить Японию. Набоков, который редко покидает швейцарский отель, где проживает со своей супругой, заявил, что собирается таким образом отметить годовщину выхода в свет своего знаменитого романа, который был впервые издан в Париже 15 сентября 1955 года. По слухам, часть вояжа, из Москвы до Владивостока, проляжет по Транссибирской магистрали. Писатель намерен путешествовать инкогнито в компании своей жены».

Следует отметить, что вышеупомянутый роман был нам уже знаком. Как-то раз Алекс привез из столицы несколько страниц из «Лолиты», отпечатанных фотографическим способом. Излишне говорить, что книга, даже в том урезанном виде, произвела на нас всех огромное впечатление. Во-первых, она была об Америке, которой мы все тогда бредили. Во-вторых, циничный и рефлексирующий герой романа очень даже импонировал нам на фоне окружающей фальши и официоза. Вскоре после прочтения фотографических страниц мы уже всюду называли своих подруг «нимфетками», и каждый из нас тайно вел дневник, посвященный своим «девиантным идиосинкразиям».

Некоторое время мы сидели молча, переваривая услышанное. Вдруг Леха подскочил, ударив себя по лбу кулаком так, что очки чуть не слетели у него с носа: «Сегодня у нас что, седьмое?»

Мы с Алексом уставились на него: «Ну, седьмое...»

«А когда вышла «Лолита?»»

«Пятнадцатого...»

«Да вы что, еще не врубались? Набоков собирается отметить годовщину в Японии. Это значит, он уже наслаждается видом из окна своего пульмановского вагона на пути во

Владик! И, возможно, перед его глазами тот самый гребаный карась, что красуется на здании нашего вокзала!»

Мы с Алексом сидели, словно оглушенные. Представить только, что великий автор, масштаба самого Пруста или Джойса, находится в нескольких сотен метров от нас!

«Транссибирский прошел полчаса назад. — Алекс почесал патлатую голову. — Будем встречать завтра...»

«...and tomorrow, and tomorrow...» — задумчиво продолжил я.

«Да хоть бы и так! Чувак, мы должны его увидеть! И, если повезет, набраться наглости и попросить книгу — желательно с автографом».

«А как мы узнаем, что это он?»

«Я его на фотографии видел, — сказал Алекс. — Лысый, нос аристократический, очки... Такого трудно не заметить. Кроме того, с ним еще баба».

«Но они же сказали «инкогнито», — усомнился Леха. — Он вполне мог изменить внешность».

«Чувак, ты что думаешь, кто-то может меня провести, меня, Александра Тишимского?»

Мы рассмеялись над любимой шуткой Алекса и, разлив по стаканам остатки портвейна, принялись обдумывать план действий. Первым делом, надо было определиться со временем. Поскольку от Тишима до Владика было пять дней пути, наша «вахта» выпадала на три дня — с 8 по 10 сентября. Продолжать после десятого означало бы допустить, что Набоков опаздывает, и, ради удобства, а также полагаясь на точность расчета гениального автора, мы такую вероятность решили исключить. Во-вторых, надо было постараться избежать излишнего внимания со стороны дежурной по вокзалу Розалии Георгиевны, которая, кстати сказать, приходилась Жоржу Карассиусу пра-пра-правнучкой — одной из доброй дюжины официально зарегистрированных отпрысков плодовитого автора, — и Виссариона, исполнявшего обязанности дежурного милиционера и, по совместительству, любовника Розалии. Поэтому было решено выходить встречать поезд по одному.

Один из нас должен был занять позицию у пульмановского вагона Транссибирского экспресса и ждать, пока не появится «объект». Если повезет... Признаться, мы понятия не имели, что в этом случае делать. В принципе, оно и не было важно. Конечно, заполучить книгу было бы здорово, но вряд ли писатель, путешествующий инкогнито по стране, где его творчество под строгим запретом, повезет с собой чемодан с книгами для восторженных поклонников. Возможно, самое большое, на что мы, а вернее, тот из нас, кому повезет, могли рассчитывать, это когда-нибудь, в более счастливые времена, сказать: «Я видел Его собственными глазами».

Необходимо также было сделать вид, что мы не просто так отираемся возле вагона, кишящего иностранцами, среди которых наверняка всегда найдется незаметный

наблюдатель-гэбист, а заняты каким-то полезным делом. Леха решил угощать пассажиров вареной картошкой — в честной конкуренции с местными торговками домашней снедью. Алекс выбрал прессу — «Правда», «Известия», «Гудок» и «Труд», — издания, которые, по его словам, он ни разу не читал и лишь, в крайнем случае, использовал вместо туалетной бумаги. Для придания местного колорита было решено включить в список «Тишимский рыболов», известный своими рыбацкими байками и советами. Мне же предстояло изображать из себя юного натуралиста-ловца бабочек, вооружившись сачком и атласом местных *Lepidoptera*.

«Ты у нас, Ваня, будешь выступать в роли живца, — съязвил Леха, который и придумал эту затею. — Может, Набоков оценит наш замысел и даже назовет в твою честь бабочку».

«Ага, у меня и название подходящее имеется, — усмехнулся я. — Vanessa Quasimodis».³

Честно признаться, мне было вовсе не до смеха — а что если кому-нибудь придет в голову поинтересоваться, чем, собственно, я занимаюсь на платформе? Алекс извлек три спички, и мы стали тянуть жребий. Длинная спичка, означавшая право быть первым, как всегда, если это не означало бежать за вином, досталась Алексу.

Часть 2

*«Эй вы, сонные тетери!
Отворяйте быстро двери!»
Братья двери отворили,
Караульщика впустили
И давай пытать его:
Не видал ли он чего?
Тот в ответ, потупив взор:
«Не явился Рыбий Вор».*

«И на хрена мне эта макулатура! — ворчал Алекс на следующий день, поднимая тяжелую сумку с газетами. — В этих “Известиях” ровно столько известий, сколько правды в самой “Правде”. И даже если мне повезет и я встречу Его, ни в одной из этих паршивых газетенки об этом не напечатают. А если я к тому же попробую торговать хоть на копейку больше номинала, Виссарион прищучит меня за “незаконную коммерческую деятельность”. Паршивый городишко! В Москве я зарабатывал пару стольников в день, продавая в общаге “Мальборо” по пять рублей за пачку».

У вокзала мы, как могли, утешили Алекса, сказав, что он, в любом случае, станет знаменитым, пусть даже на поприще коммерции, и договорились встретиться у пивного

³ Vanessa — род дневных бабочек из семейства Nymphalidae. В некотором роде, это женский аналог имени героя, иронически намекающего на свое сходство с персонажем романа Гюго.

павильона в парке, что раскинулся вокруг Дома культуры железнодорожников. В павильоне мы с Лехой взяли по кружке «Жигулевского» и уселись за столик, лениво потягивая разбавленное пиво. Вдруг хлипкая сеточная дверь распахнулась, и, к нашему ужасу, на пороге появился никто иной как сам Циклоп, наш завуч и учитель химии. Со своей черной повязкой на правом глазу и всклокоченными седыми волосами, он походил скорее на сказочного пирата, чем на провинциального педагога. Ходили слухи, что в войну он попал в плен к немцам, бежал, чудом добрался до своих и вскоре снова оказался в лагере — за измену Родине. Циклоп, хищно облизываясь и пошатываясь, будто и в самом деле вернулся из дальнего плавания, приблизился к стойке. К нашему огромному облегчению, его единственный глаз был прикован к кружке, которую буфетчица — вероятно, одна из его бывших учениц — торопливо наполняла пивом, перебросив трубку крана на бочонок для избранных посетителей.

«Пива!» — грозно рявкнул химик и, ухватив услужливо поставленную перед ним кружку, осушил ее до дна, проливая напиток на стойку. Затем, бросив несколько монет и по-прежнему не обращая на нас внимания, он повернул обратно и, пнув дверь, вывалился наружу.

«Ненавижу химию!» — с чувством сказал я, вспомнив о завтрашней контрольной.

«А ты знаешь, что такое C_2H_5OH ?» — спросил Леха.

«"Абракадабра" по-китайски?»

«Нет, серьезно, это химическая формула этилового спирта, содержание которого в той дряни, что ты в данный момент потребляешь, номинально составляет три процента».

Вдруг снаружи раздался шум. Мы выскочили и увидели небольшую толпу у края фонтана, что находился в центре парка. Посреди фонтана стояла скульптурная группа из трех огромных карасей, устремленных вверх и, по мнению некоторых, символизирующих три движущие силы социалистического общества: рабочих, крестьян и интеллигенцию. Кто-то отчаянно плескался с той стороны, где находилась фигура одной из «движущих сил» с пририсованными каким-то шутником галстуком и очками. В толпе возбужденно говорили о пьяном, пытавшемся взобраться на скульптуру и сорвавшемся с высоты. Увидев в воде знакомую плешивую голову с седыми волосами, Леха крикнул: «Да это же Циклоп!» — и принялся было на ходу сбрасывать одежду, чтобы нырнуть, но в этот момент появился пожарный расчет и оттеснил толпу. Впрочем, пока пожарники возились с лестницей, голова химика скрылась, и на поверхности воды появились пузыри, за которыми, медленно кружась, всплыла черная повязка...

Алекс подошел сразу после того, как отъехали скорая и милицейский «газик»:

«Что за шум?»

«Циклоп утонул».

«Черт! Я знал, что эти его опыты с C_2H_5OH до добра не доведут...»

Мы на мгновение замолкли.

«Эй! — вдруг опомнился Леха. — Да как все прошло-то?!»

«Все в ажуре», — самодовольно заявил Алекс.

«Не может быть!» — в один голос воскликнули мы с Лехой.

«А я говорю да! Лучше не бывает! Лени́на согласилась со мной переспать». Ленина была очередной пассией Алекса, и последнее время он только о ней и думал.

«Хватит трепаться, кретин! Говори, ты Его видел?»

«Нет, но я видел полный вагон японцев с классными камерами. И они только и делали, что щелкали, снимая все вокруг, включая меня, пока не вмешался Виссарион».

«А не мог Он прикинуться япошкой?»

«Вряд ли. Высоковат для ихней породы...»

На следующий день мы с Алексом проводили на вокзал Леху, а сами направились в пивной павильон. Алекс без умолку болтал про Ленину, что не столько раздражало меня, сколько вызывало зависть, так как мои собственные амурные приключения, как нетрудно догадаться, были весьма скромны по сравнению с его бесчисленными победами на любовном фронте. Позже к нам присоединился чувак из 10 «Б» по имени Патрик. Патрик был местной достопримечательностью: у него была темная кожа и курчавые волосы. По слухам, его отцом был некий африканец, с которым мать Патрика сошлась во время первого Московского фестиваля молодежи и студентов. Патрик своего «папу», естественно, никогда не видел, но мечтал съездить в Африку, чтобы повидаться с тамошней родней. «Мне бы лишь слинять отсюда, — любил повторять он, — а там я готов хоть на пальме с макаками жить».

Шло время, и мы начинали испытывать нетерпение. Патрик ушел, оставив нас в компании пары угрюмых алкашей и без копейки денег.

«Ну, где же этот чертов Эйнштейн?» — проворчал Алекс, закуривая десятую по счету сигарету «Ява 100».

«Эйнштейн» явился около полуночи, усталый и подавленный.

«Ну, наконец! Почему так долго, чувак?» — раздраженно спросил Алекс, которому в очередной раз пришлось отложить первую ночь с Лениной.

Из Лехинового сбивчивого рассказа мы узнали, что один из пассажиров, за неимением рублей, предложил ему доллар, которую наш простофиля доверчиво принял, что, конечно, не ускользнуло от бдительного ока Виссариона. Милиционер задержал Леху и обвинил его в «совершении незаконных валютных операций на территории РСФСР». С незадачливого валютчика взяли подписку о невыезде и отпустили восвояси.

«Дайте что ли бухнуть», — хрипло попросил Леха.

«Рублей нема...»

«Да не ехидничайте вы, болваны! Вас бы в лапы этому церберу! — Леха извлек откуда-то пару измятых купюр и бросил на стол, где уже лежало несколько нераспроданных картофелин. — Вот все, что удалось спасти. А этот доллар гребаный я даже в руках подержать не успел...»

Я чувствовал себя полным идиотом, стоя на платформе с взятым напрокат у деда рыболовным сачком и увесистым томом истории партии, обернутым для маскировки цветной бумагой. Кроме того, мне не давала покоя мысль о том, что моя миссия обречена на неудачу, если Леха все-таки просмотрел В.Н. за всеми своими «валютными» зловключениями. Наконец поезд прибыл, и я оказался прямо напротив пульмановского вагона. На платформу высыпала пестрая толпа иностранцев с трубками и сигаретами «Мальборо» в руках и японскими фотоаппаратами на груди. Мое внимание привлекла пожилая пара. Впрочем, мужчина хоть и был лыс, ростом явно не удался. Дама, стоявшая с ним, была, наоборот, высокого роста и весьма внушительной наружности, с копной сидящих волос. В уголке ярко раскрашенных губ она держала дымящуюся папиросу. Я приблизился к ним, делая вид, что увлечен поисками редкого вида *Lepidoptera*, случайно занесенного в наши края заодно с другими видимыми и невидимыми импортными товарами.

«Муля, не нервируй меня! — говорила внушительная дама, обращаясь к коротышке. — Пойми же, наконец, что ты не в своей московской квартире и туалет может быть занят именно в тот момент, когда тебе приспичило. Представь, что творится в других вагонах! Мы-то хоть оправляемся, как белые люди, сидя на чехословацких унитазах, а в перерывах наслаждаемся красной икрой и обществом иностранцев — то есть, я хотела сказать, иностранцев, — которые верят сказкам о том, будто в СССР живут одни дебилы, хлещущие водку, да медведи, пляшущие “Камаринскую”... Мальчик, убери свою палку!» — внезапно воскликнула дама, и я с ужасом увидел, что упираюсь сачком прямо в ее внушительный зад. «Не слишком ли ты юн, натуралист, для бабочек бальзаковского возраста?»

Я отступил назад и едва не упал, наткнувшись на бородатого иностранца в темных очках и тирольской шляпе. Он поддержал меня, ухватив за плечи, и обратился к возмущенной даме: «Прошу прощения, фрау Бляттерфляй, но мне сдается, этот молодой человек охотится вовсе не на ровесниц достопочтенного Оноре».

«Что вы говорите, доктор Даркблум! Да вы сами-то чей ровесник, не Плиния Младшего, случайно? А впрочем, я, кажется, вижу, кто на самом деле притягивает нашего героя. Немедленно отпустите ребенка, старый греховодник!»

Вот оно начинается, подумал я. Сейчас пошлют за Виссарионом!

«Признайтесь, друг мой, — бородач повернулся ко мне, — вас в данный момент больше всего интересует нимфа, куколка, не так ли? Ну что вы, право, не смущайтесь! Осмелюсь заметить, что даже джентльмены... м-м-м... достаточно зрелого возраста крайне равнодушны к сим нежным созданиям. Что уж говорить о молодых энтузиастах этой

прелюбопытнейшей науки! Ведь, как известно каждому лепидоптеристу, будет куколка — будет и бабочка!» Он приподнял очки и заговорщицки подмигнул мне. Стоящие рядом иностранцы весело расхохотались.

Я был настолько ошеломлен происходящим, что едва понимал, о чем говорит этот странный человек с загадочным именем и жутким акцентом, но, на всякий случай, отрицательно помотал головой. Тут объявили отправление, и пассажиры, оживленно переговариваясь, потянулись к вагону. Доктор Даркблум шел с фрау Бляттерфляй, рассказывая ей что-то забавное, отчего та, позабыв обиду, смеялась, запрокидывая голову и кашляя от папиросного дыма. Замыкал процессию коротышка, который, судя по его удрученному виду, потерял всякую надежду быть первым у туалета с импортным унитазом. В двери вагона он слегка присел, издав неприличный звук и затем, обернувшись, показал мне язык...

Часть 3

*«Тут волна пошла в реке,
Свет зажегся вдалеке.
Ближе, ближе он, и, вдруг,
Карп плывает — словно струг.
Сам как золото блестит,
На носу вода кипит.
«Эхе-хе! Так вот какой
Ты, разбойник! Ну, постой!»
К Карпу Ванька подбегает
Да за жабрища хватает
И ударив сапогом —
Прыг на рыбину верхом».*

На следующее утро я проснулся с жуткого похмелья. Небо было покрыто черными тучами, сулившими дождь. Я смутно припоминал состояние совершенного отчаяния, охватившего нас после последней неудачи, и последующую пьянку. Наша сокровенная мечта разбилась, как единственная бутылка алкоголика, с огромным трудом насобиравшего денег на выпивку и в последний момент уронившего заветный сосуд на бетонный пол.

Уроки в тот день были каким-то бредом: практический курс молодого строителя коммунизма, штангенсы и котангенсы, «Мать» Горького и лошадь Пржевальского... Боже праведный! Как же невыносима была мысль о том, что после встряхнувшего нас приключения придется возвращаться к прежнему унылому существованию с его невыносимой скукой, пьянством и дебильной школьной программой! Нет, я никак не мог примириться с этой мыслью. Я решил снова испытать судьбу, но сделать это без ведома Алекса и Лехи.

К обеду я почувствовал себя значительно лучше, выпив крепкого кофе и приняв таблетку из шкафчика, где мать хранила свои антидепрессанты. Мало-помалу мною

овладело счастливое предвкушение чуда. *Carpe diem!*⁴ Пора, Ванюха, и тебе изловить своего Золотого Карпа! Я собрался и взял было в руки сачок и атлас, но, опомнившись, бросил их и снял с крючка старый зонт.

На знакомой платформе, темной и продуваемой колючим ветром, не было ни души. Даже бдительный Виссарион, и тот, вероятно, прятался в каморке у Розалии, попивая ее фирменный чай с вареньем из лепестков роз. Не успели объявить прибытие поезда, как хлынул ливень, и из вагона вышла одна проводница с зонтом и фонарем в руках. В освещенных окнах вагона виднелись лица пассажиров, сидящих за столиками, уставленными бутылками с кока-колой. Счастливы куривали «Мальборо», пуская кверху кольца дыма и весело переговариваясь. Вдруг я почувствовал, что за моей спиной кто-то стоит. Меня охватила паника: неужели Виссарион? Я обернулся и увидел бомжовского вида горбатого старичка, одетого в бесформенный балахон и остроконечный колпак, наподобие тех, что в кино носят маги и волшебники. В руке у горбуна был холщовый мешок с портретом греческого певца Демиса Руссо.

«Кто поспел, тот и на коня сел, — произнес старик скрипучим голосом. — Кого-то встречаете, сударь?»

«Да, — неуклюже соврал я. — Дядю... С Тобольска...»

«Вишь как! — подивился горбун. — Оттудова досель не скоро доберешься. Государство у нас вон какое — на полземли раскинулось. Помню, первый паровоз встречали, народу съехалось тьма, каждый хотел хоть одним глазком взглянуть. День ждем, два ждем — у лошадей овес вышел, а мы все ждем...»

«А вы на железной дороге работали?»

«Да вроде того... — Он достал из складок балахона грязную тряпицу и утер мокрое морщинистое лицо, поросшее редкой бородой. — А потом еще в реке этот супостат завелся... Мы с сыновьями попервости караулили, да куда там! Только малому и повезло...»

Я сунул руку в карман, но ничего, кроме каких-то копеек после вчерашнего загула там не оказалось.

«Вот, возьмите зонтик, дедушка, а то совсем промокли».

«Нам, голи перекатной, все сгодится, — охотно отозвался старичок. — Храни тебя Господь, Ванюша».

«А разве вы меня знаете?»

«А то как! Мы с тобой, брат, одного роду-племени. Я и про то знаю, что, хоть ты и не особо фигурой вышел, ждут тебя слава и богатство и царева дочка в придачу».

Принимая зонт холодной, мокрой от дождя рукой, старик нечаянно сложил его.

⁴ «Лови момент!» (лат.)

«На-ка, поддержи, сынок», — сказал он, сунув мне свой мешок, и принялся неловко возиться с кнопкой. В этот момент поезд тронулся, увозя людей, сидящих в нем, в неведомые края: Омск, Иркутск, Новосибирск, Чита...

Я услышал звук открывающегося зонта и обернулся, но, к моему изумлению, горбуна и след простыл — только в небе мелькнула короткая черная тень. Вдали мерцали, превращаясь в крохотные красные точки, огни Транссибирского экспресса. Было холодно, и я промок до нитки. Станционные часы показывали двенадцать. Я быстро зашагал домой и вдруг вспомнил, что у меня в руке мешок, оставленный стариком. Я оглянулся было в поисках мусорного бака, но любопытство взяло верх, и, остановившись под фонарным столбом, я сунул руку внутрь. В мешке оказалась завернутая во влажную от дождя газету книжка — без обложки и с отваливающимися страницами. Я поднес книгу ближе к глазам и вздрогнул, чувствуя, как по коже бегут мурашки. В тусклом свете уличного фонаря, окруженный утонувшим во тьме миром, я прочитал, шевеля губами, как первоклассник, самые прекрасные строки на свете: «Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя».

Эпилог

*«У далеких жарких стран
Плещет море-окиян.
Есть там рыба-кашалот:
На спине — трава растет,
На траве стоит дворец,
А в дворце — наш молодец.
С ним любимая жена
Да три сына-пацана.
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и водку пил.
Делу доброму — венец,
Ну, а сказочке — конец».*

Я по-прежнему каждый год приезжаю в Тишим — на день рождения матери. Люблю посидеть с книгой под сенью развесистой черемухи во дворе ее дома. Кстати сказать, та книжка, что досталась мне от чудного горбуна и оказавшаяся не чем иным, как первым русскоязычным изданием «Лолиты» с автографом самого В. Н., давно утеряна во время моих многочисленных странствий.

Сам город сильно изменился, особенно с тех пор, как на улице Тишимских коммунаров во времена недолгого, но бурного правления первого мэра города, известного в определенных кругах как «Дровосек», повырубили старые деревья, а на их месте выросли киоски, торгующие кока-колой и «Мальборо». На месте скромного Дома культуры

железнодорожников сейчас висится роскошный дворец одного из местных воров «в законе», а в магазинах больше не найдешь тишимского пива.

Иногда я пешком хожу на кладбище, вспоминая людей, которых когда-то знал. Леха, наш умница, наш Эйнштейн, после отчисления из университета за вольнодумство был призван в армию и попал в Афган. Я никогда не мог представить нашего безобидного очкарика в военной форме... А тем более в цинковом гробу, что пришел на станцию одним холодным ноябрьским утром. Алекс, как мы и пророчили ему в свое время, стал преуспевающим бизнесменом, но бесследно исчез после очередной «деловой» разборки в лихие 90-е. Теперь даже на скромном тишимском кладбище полно богатых мраморных надгробий с фотографиями улыбающихся молодых людей, сложивших буйные головы за «бескровный переход» к рыночному беспределу. Могила Ленины выглядит намного скромнее, но многие полагают, что она до сих пор живет в Турции, а под камнем — другая, безвестная проститутка, сгинувшая в плену у торговцев живым товаром. Патрику Пиджакову так и не было суждено достигнуть берегов «черного континента». Он отбывает пожизненное заключение за убийство и изнасилование в одной из мордовских колоний.

Не так давно в Тишине помпезно справили 200-летний юбилей со дня рождения Жоржа Карассиуса, на который слетелись потомки поэта со всего света. Розалия Георгиевна, в качестве почетного гражданина города, дрожащим от волнения голосом зачитала приветственное обращение президента, в котором утверждалось, что «тишимский гений» превзошел всех своих современников, включая самого, понимаешь, Пушкина, и должен быть торжественно перезахоронен у Кремлевской стены. В заключение, президент призвал увековечить память о великом сказочнике, переименовав в его честь водку, выпускаемую в городе, и пообещал лично принять участие в дегустации. Верный спутник Розалии, седовласый Виссарион невозмутимо стоял рядом и после галантно скатил коляску с дамой своего сердца с подиума.

Сам я давно покинул родину тишимского горбуна, памятуя о том, что — как нам внушали с детства — «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Когда, после падения железного занавеса, членов Тишимского горсовета пригласили в американский город-побратим Гранд Долорес, я как преподаватель английского в местном «педе» был включен в состав делегации. С тех пор я долго скитался по свету, прежде чем сбылось пророчество горбатого кудесника. Действие моей теперешней сказки происходит в пригороде Санкт-Петербурга, штат Флорида, где я живу с женой, 24-летней красавицей Василисой, и тремя сыновьями от первого брака. Слава Богу, ни один из них не унаследовал проклятия нашего рода. Все ребята, как на подбор, высокие и статные. Старший учится на юриста в Гарварде, средний увлекается ихтиологией, младший играет в свой американский футбол. По ночам мне часто снится снежный берег Тишима, пельмени и самогон, наша пятая школа и пивной павильон в ЖД парке. В моей вилле, с видом на залив, огромная библиотека, полная редких

книг со всего света, но мне всегда будет не хватать той единственной, с пожелтевшими, отваливающимися страницами, что я дрожащими руками держал в свете уличного фонаря в темном тишимском дворе...